

Научная статья

УДК 261.6+261.7

DOI: 10.25803/26587599_2023_45_120

М. О. Орлов, К. Ю. Петрова

Церковь и светское общество: риски и перспективы диалога

Орлов Михаил Олегович, д-р филос. наук, доцент, заведующий кафедрой теологии и религиоведения, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Саратов, Россия, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Петрова Кристина Юрьевна, младший научный сотрудник, Саратовская православная духовная семинария, Саратов, Россия, petra-velikaya@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4529-6709>

АННОТАЦИЯ: В настоящей статье анализируется текущее положение церковно-общественного диалога. Выявляются причины снижения общественного доверия к Русской православной церкви, фиксируемого на основании социологических данных. Приводятся методологические замечания относительно социологического измерения религиозности населения. Авторами делается предположение о неверной интерпретации понятия «светского», продиктованного предшествующим опытом государственно-конфессиональных отношений в советское время. Исследуется проблематика интерпретации понятия «светского» в правовой, религиоведческой и конфессиональной плоскостях как проблематизирующего основания церковно-общественного диалога. Акцентируется недопустимость интерпретации понятия «светскости» как полной элиминации религиозных институтов из общественной жизни, а также необходимость построения церковно-общественного диалога на условиях равноправия.

© Орлов М. О., Петрова К. Ю., 2023

На основании контент-анализа цифрового пространства выделяются три основные риск-тенденции снижения доверия к церкви со стороны светского общества — рост протестной антирелигиозности, рост «протестной» религиозности и рост «альтернативной» религиозности. Относительно каждой риск-тенденции анализируются ее причины, особенности, делается аналитический прогноз возможных сценариев ее развития. Особое внимание при этом уделяется тем тенденциям, которые потенциально могут привести к дестабилизации общественных отношений и иметь наиболее деструктивные последствия.

Предлагаются конкретные практические пути преодоления сложившихся противоречий как со стороны церкви, так и со стороны общества. Утверждается необходимость распространения религиозоведческого образования, подчеркивается деструктивный характер интерпретации роли церкви в обществе как транслятора этики и нравственности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: церковь, общество, светское общество, секулярность, атеизм, религиозность, социология религии

для цитирования: Орлов М. О., Петрова К. Ю. Церковь и светское общество: риски и перспективы диалога // Вестник Свято-Филаретовского института. 2023. Вып. 45. С. 120–137. DOI: 10.25803/26587599_2023_45_120.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44127.

M. O. Orlov, K. Yu. Petrova

Church and secular society: risks and prospects of dialogue

Orlov Mikhail Olegovich, Doct. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Head of the Department of Theology and Religious Studies, Saratov State University, Saratov, Russia, orok-saratov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7312-5881>

Petrova Kristina Yurievna, Junior Research Fellow, Saratov Orthodox Theological Seminary, Saratov, Russia, petra-velikaya@ya.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4529-6709>

ABSTRACT: This article analyzes the current state of the church-public dialogue. The reasons for decline in public trust in the Russian Orthodox Church, fixed on the

basis of sociological data, are revealed. Methodological remarks of sociological dimension of the religiosity of the population are given. The authors make an assumption about the incorrect interpretation of the concept of “secular”, dictated by the previous experience of state-confessional relations in the Soviet era. The problem of interpreting the concept of “secular” in the legal, religious studies and confessional planes as problematizing the foundations of the church-public dialogue is investigated. It emphasizes the inadmissibility of interpreting the concept of “secularism” as the complete elimination of religious institutions from public life, as well as the need to build a dialogue on equal terms.

Based on the content analysis of the digital space, three main risk-trends for reducing trust in the Church on the part of secular society are identified — the growth of protest anti-religiousness, the growth of “protest” religiosity and the growth of “alternative” religiosity. For each risk trend, its causes and features are analyzed, and an analytical forecast of possible scenarios for its development is made. Particular attention is paid to those trends that can potentially lead to destabilization of social relations and have the most destructive consequences.

Concrete practical ways are proposed to overcome the existing contradictions both on the part of the Church and on the part of society. The need to spread education in the field of religion, sustained in a neutral key, is affirmed, the destructive nature of the interpretation of the role of the Church in society as a translator of ethics and morality is emphasized.

KEYWORDS: Church, society, secular society, secularity, atheism, religiosity, sociology of religion

FOR CITATION: Orlov M. O., Petrova K. Yu. (2023). “Church and secular society: risks and prospects of dialogue”. *The Quarterly Journal of St. Philaret's Institute*, 2023, iss. 45, pp. 120–137. DOI: 10.25803/26587599_2023_45_120.

ACKNOWLEDGMENTS: The reported study was funded by RFBR according to the research project № 21-011-44127.

Введение

Общей тенденцией последнего десятилетия в нашей стране является постепенное снижение доверия к традиционным религиозным институтам, в первую очередь — к Русской православной церкви. Если примерно до середины 2010-х гг. уровень традиционной религиозности рос, то после прохождения пика в 2014–2015 гг. наблюдается его стабильное падение [*Кублицкая, 411*].

Подчеркнем, что речь идет именно о падении традиционной институциональной религиозности, так как отечественные социологи продолжают рассчитывать религиозность населения, используя зауженный подход (к религиозному населению относится лишь социальная группа, устойчиво индентифицирующая себя с конкретными традиционными религиями). При этом углубленный анализ данных тех же опросов показывает, что активной тенденцией последних лет является нарастание количества внеконфессиональных верующих [Кублицкая, 413–414] и расширение индивидуальных неинституционализованных религиозных практик.

Поскольку мы полагаем, что религиозную жизнь необходимо рассматривать более широко, принимая во внимание все ее проявления, а не только традиционную религиозность, то, на наш взгляд, более корректно было бы говорить не о падении религиозности как таковой, а о ее деинституализации и индивидуализации. Причин подобной ситуации несколько — от общей индивидуализации религиозности и склонности к индивидуальным поискам Бога (что в целом характерно для глобального общества) до разочарования в деятельности конкретных конфессий [Петров, 272–276], однако, следует отметить, что именно последняя причина в России преобладает в последние годы.

Говоря о проблемах диалога «религиозного» и «светского», на понятийном уровне очень важно понимать, какую именно общность мы будем называть религиозной, а какую — светским обществом. Методологически данный вопрос во многом осложнен отсутствием единого подхода к концептуализации понятия «религиозного» в отечественном религиоведении [Богачёв]. С одной стороны, некорректно было бы не включать представителей нетрадиционной, в том числе внеконфессиональной, религиозности в общность верующих. Однако говорить о единой позиции внеконфессиональных верующих в рамках настоящего исследования довольно проблематично, так как в отличие от традиционных конфессий они не имеют единого выразителя и единой доктрины как таковой.

С другой стороны, само понятие светского общества включает в себя религиозных людей, так как светскость не тождественна атеистичности, поэтому в рамках настоящего исследования целесообразно будет отнести внеконфессиональных верующих именно к представителям светского общества. Более того, проблематика межконфессионального диалога, построенного на принципе

равенства религий, предполагает, что позиции религиозных традиций, направленные на обеспечение равенства всех конфессий, также будут представлять собой выражение воззрений светского общества. Таким образом, важно понимать, что, когда мы будем говорить о позиции «светского» общества, речь будет идти не только о взглядах людей антирелигиозных или тотально индифферентных к религии.

Причины снижения доверия к традиционным религиозным институтам

Социологические данные свидетельствуют о снижении уровня общественного доверия к Русской православной церкви за период с 2015 по 2021 г. с 55 % до 28 % (в целом) и с 72 % до 47 % (среди людей, идентифицирующих себя как представителей традиционных религий) [Кублицкая, 415]. Основными причинами снижения доверия к церкви респонденты называют в первую очередь нарастающую клерикализацию общества (которая проявляется в том, что Русская православная церковь частично берет на себя функции государства — политические, образовательные, пропагандистские и т. п.) — с этим утверждением согласны 45 % опрошенных «верующих» и 63 % «неверующих», а также привилегированное положение Православной церкви в России по отношению к другим конфессиям (46 % и 64 % соответственно) [Кублицкая, 417]. Таким образом, мы видим четкую тенденцию, согласно которой основная линия критики Русской православной церкви с позиции светского общества выстраивается исходя из нарушения принципов светскости общества и отделенности церкви от государства.

С одной стороны, в основе этой тенденции находится глубокое искажение, укоренившееся в сознании населения постсоветского пространства, когда на протяжении десятилетий советской власти за понятиями «светское государство» и «принцип свободы совести» скрывалось откровенное лишение религиозных организаций юридической субъектности и вообще права на любое участие в общественной жизни [Декрет; Полохов 2021]. Несмотря на то, что советское поколение постепенно сменяется людьми, родившимися в постсоветской России, тенденция такого искажения, напротив, усиливается. Показательно, что именно среди молодежи недоверие к традиционным религиям проявляется выше всего [РИА], что, очевидно, связано с общим высоким протестным

потенциалом молодых людей [Ивченков, 59–66]. В то же время именно возрастная группа младше 35 лет — это люди, не имеющие опыта жизни в СССР и составляющие мнение о положении религии в Советском Союзе исключительно по вторичным, нередко ангажированным источникам.

С другой стороны, недоверие к традиционным религиозным институтам, особенно среди молодежи, есть часть общей тенденции снижения доверия к официальным институтам: государственной системе образования, официальной медицине и церкви. Формальные институты изживают себя в восприятии общества как таковые и это отражение общемировой тенденции. Кроме того, на фоне социально-экономических проблем, сопровождающих пандемию, рост протестных настроений и политизированности общества высок, как никогда ранее.

Поскольку вследствие продолжительного церковно-государственного сотрудничества Русская православная церковь стала в некоторой степени восприниматься как прогосударственный институт, протестный потенциал, направленный на недовольство действиями государственной власти, частично транслируется и на церковь. В этих условиях формируются различные рискогенные тенденции трансформации общественно-религиозных взаимоотношений.

Рост антирелигиозности как способа протеста

Одной из таких тенденций является причисление субъектом себя к категории нерелигиозных (или даже антирелигиозных) людей. В большей мере данная тенденция характерна для представителей молодежи [Петрова] и обусловлена неприятием риторики «традиционных ценностей». В максимальной мере это выражено среди представителей оппозиционных политических движений, а также у представителей различных движений в защиту угнетаемых по различным признакам меньшинств — феминисток, BLM, сторонников ЛГБТ-сообщества, защитников прав инвалидов и т. д. Поскольку риторика практически любой традиционной религии, как правило, так или иначе, входит в противоречия с основными устремлениями данных движений, закономерно их отторжение от традиционных религиозных институтов вне зависимости от уровня личной религиозности.

Однако определяющим фактором неприятия традиционных религий в нашей стране является не сам факт доктринальной

декларации конфессией тех или иных положений для собственных адептов, но активное сотрудничество с государством в социальной сфере, которое может в итоге затронуть светское общество. Более того, представление, что последователи традиционных религий должны в большей мере разделять прогосударственные настроения (и это действительно имеющий место социологический факт, хотя и преувеличенный антирелигиозной частью общества), само по себе мотивирует представителей политической оппозиции поставить себя в оппозицию к традиционным религиям.

Для данной социальной группы, которую условно можно назвать «протестными атеистами», в большей мере характерна максимально негативная реакция на высказывания иерархов Русской православной церкви о патриотизме, службе в армии, семейной политике, недопустимости абортов, на популяризацию идей многодетности, критику идей чайлдфри и др. При этом данная категория светского общества сильно переоценивает возможности церкви в области лоббирования законов. Это подтверждается существенными опасениями со стороны «протестных атеистов» относительно того, что им придется жить в соответствии с нормами и ценностями традиционных религий, в то время как они этих ценностей не разделяют.

С другой стороны, существенное отторжение у данной группы общества вызывает морализаторская риторика. Несмотря на высокий уровень уважения к ценностям и этической позиции другого, современное светское общество, в особенности пролиберально настроенная его часть, не приемлет навязывания этических ценностей, поэтому любой разговор о «должном» или «недолжном» по умолчанию будет воспринят как покушение на свободу личности.

Контент-анализ позволяет увидеть, что данные тенденции проявляются в виде значительного вытеснения общественно-политической риторикой собственно атеистической в соответствующих интернет-сообществах и повышения интереса пользователей таких сообществ именно к общественно-политической повестке. Так, авторское аналитическое исследование наиболее крупного атеистического сообщества социальной сети «ВКонтакте» — публичной страницы «Атеист»¹ (около 740 тыс. подписчиков) за период с 18.01.2022 по 15.02.2022 позволило

1. Атеист. URL: https://vk.com/atheist_blog
(дата обращения: 15.02.2022).

выявить следующую тенденцию: из десяти наиболее популярных (по количеству лайков, репостов и просмотров) записей только одна непосредственно посвящена атеистической критике религии, еще две — критике социальных аспектов присутствия религии в светском обществе (социальная апологетика атеизма и призывы расходовать деньги на науку, а не на религию). Остальные семь наиболее популярных записей практически всецело посвящены проблемам социальной справедливости и не затрагивают тему религии как таковую, что ярко свидетельствует о смещении приоритетов подписчиков с проблематики непосредственно атеизма в сторону проблематики социальной справедливости и прав человека.

Таким образом, основным движущим фактором роста атеизма как формы политического или общественного протеста является эскалация общественной напряженности и дефицит продуктивного диалога по значимым общественным проблемам. Для подобного рода «политических атеистов» один только факт принадлежности человека к традиционной религии уже может стать основанием исключения его из общественной дискуссии по причине его «ангажированности». Существенное нарастание указанной тенденции создает риски нарушения прав верующих в виде полного исключения их интересов как части гражданского общества.

Другим риском усиления данной тенденции является взаимовлияние идеологических факторов: люди, вошедшие в атеистическое сообщество по атеистическим соображениям, приобретают высокий протестный потенциал в политическом смысле, а люди, попавшие в сообщество по социально-политическим причинам, радикализируются в отношении религии. Такая взаимная радикализация ведет к разрастанию протестного сообщества и, потенциально, к дестабилизации отношений в обществе.

Основным путем минимизации отмеченных рисков может стать донесение до общества смысла понятия «секулярного» в том виде, в каком оно зафиксировано в нормативных документах Российской Федерации, а также используется исследователями и представителями самих традиционных религий.

В этом отношении важно преодолеть позицию антирелигиозно настроенных представителей общества, транслирующих идею понимания концепта «светскости» как табу на любое позитивное говорение о религии в публичном пространстве. При этом понятие «светскости», закрепленное в нормативных документах

Российской Федерации, означает, что «никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [Конституция], но никоим образом не то, что религия должна быть вытеснена из публичного пространства. Сходную интерпретацию концепта светскости предполагает и большинство исследователей государственно-конфессиональных отношений — как зарубежных [Боберо; *Bhargava*; Тейлор, Маклюр; Киллиан], так и отечественных [Малахов, Летняков].

С позиции религиозно-теологического дискурса понятие «светскости» также не тождественно понятию безрелигиозности или атеистичности. Так, например, митр. Иларион (Алфеев) формулирует позицию по отношению к пониманию «секулярности» следующим образом:

Воинствующий секуляризм не может восприниматься как общий знаменатель для всех религиозных течений и представителей разных мировоззрений. Таким общим знаменателем может быть только секуляризм, который вытекает из принципа отделения Церкви от государства, но не предполагает, что этот принцип будет означать вытеснение Церкви из общественного пространства [Иларион (Алфеев)].

Можно отметить, что понимание светскости, характерное для подавляющего большинства исследователей государственно-конфессиональных отношений, закрепленное в Конституции РФ, и понимание, которое транслируется представителями Русской православной церкви, в данном вопросе практически совпадают.

С другой стороны, для минимизации общественного напряжения важно гарантировать представителям светского общества условия, когда они будут уверены в том, что религиозные нормы поведения не будут закреплены на законодательном уровне и не станут общеобязательными к исполнению всеми гражданами.

Другим важным шагом на пути к продуктивному диалогу светского общества и церкви может стать пересмотр общественно-церковной риторики, в первую очередь — минимизация риторики «традиционных ценностей». Позитивной тенденцией может стать и расширение религиозоведческого образования, нацеленного, прежде всего, на молодежь (но не на детей). При этом необходимо, чтобы такое образование было выдержано в максимально нейтральном ключе и не включало в себя никакой этизации, иначе его следствием станет усугубление ситуации.

Рост «протестной» религиозности

Другая тенденция, характерная, напротив, для людей, в большей мере ориентированных на следование традиционным ценностям, но негативно оценивающих именно административную составляющую традиционных религий, — это тенденция ухода в другие религиозные юрисдикции или движения. Если первая тенденция в большей мере характерна для молодежи, то данная тенденция более характерна для людей среднего возраста, некогда имевших интерес к православию (среди национальных меньшинств — к исламу). В отсутствие глубокой вовлеченности в деятельность религиозной организации для человека не является моральной проблемой покинуть данную организацию, иногда — даже продолжая ассоциировать себя с данной конфессией.

О популярности данной тенденции косвенно свидетельствует тот факт, что одними из самых упоминаемых в последние годы клириков Русской православной церкви стали так называемые протестные священники — Владимир Головин, Роман Степанов, Георгий Сухобокий и, конечно же, бывший схиигумен Сергей (Романов). Сохраняет популярность как политическая и медийная фигура и Андрей Кураев.

Поскольку склонность к «протестной» религиозности проявляют, как правило, люди, не глубоко вовлеченные в деятельность традиционных религий, слабо понимающие принципы канонического права, популярность в медийной сфере фактически обеспечена каждому, кто, так или иначе, выразит протест против епископата Русской православной церкви. С этим связаны риски «внутрицерковного сектантства», когда отдельные харизматичные клирики, противопоставляющие себя епископату, имеют очень большие шансы на существенное расширение круга почитателей. При этом показательно, что интерес к церковно-общественным конфликтам проявляют не только люди, ассоциирующие себя с православием, но зачастую и представители атеистических сообществ. Так, информация о «протестных священниках» активно распространялась антирелигиозными пабликами в тональности явного одобрения. В случае инцидента со Среднеуральским женским монастырем факт вмешательства государства посредством силовых структур с последующим судом над бывшим схиигуменом Сергием (Романовым) в глазах протестной общественности стал решающим фактором для формирования общественных симпатий к нему, даже несмотря

на неприятие протестной общественностью традиционалистской риторики в целом.

Закономерным следствием «протестной» религиозности является стремление сменить юрисдикцию, что стало особенно актуальным после конфликта Русской православной церкви с Константинополем из-за украинского вопроса. Непонимание принципов каноничности территории и смешение административного и экклезиологического подходов в общественном сознании усугубилось процессом перехода приходов Александрийского патриарха в Московский. Исходя из этого можно предположить, что недоверие к иерархии Русской православной церкви в конечном счете создает риск появления, в том числе на территории России, альтернативных юрисдикций, существование которых будет поддержано определенной частью общества.

Другой стороной «протестной» религиозности может являться полная религиозная конверсия. В контексте существующей общественной риторики в разговоре о религии приоритет отдается не вероучению, а «традиционным ценностям» и нравственности в ее секулярном понимании. Общество и государство создают запрос на религиозность преимущественно как на инструмент повышения уровня нравственности и распространения социально приемлемого поведения. Стоит отметить, что для самих традиционных религий, в частности, христианства, отношение к ним как к средству этизации секулярного населения неприемлемо уже хотя бы потому, что православное понимание нравственности существенно отличается от представлений об этике, характерных для светской среды [Полохов 2010, 135].

Вынесение «за скобки» вероучения, редукция религии до функции транслятора традиций и морального надзора стирает для значительной части секулярного общества границы религий. Именно эти процессы актуализируют гомогенизацию [Аникин] — первый этап процесса религиозной трансформации, когда у светски ориентированного человека создается иллюзия, что все религии учат одному и тому же. Действительно, если полагать, что в христианстве главное — не Христос, а десять заповедей, то принципиальные отличия от ислама или иудаизма усмотреть сложно. Такая позиция может быть следствием настоящего состояния религиозного и религиоведческого образования, для которого типично существенное смещение акцента с вероучения на культуру и этику — это четко прослеживается даже в названии школьных курсов с религиозным компонентом.

Усиленная в общественном пространстве риторика «традиционных ценностей» в сознании неглубоко воцерковленных людей создает благоприятные условия для религиозной конверсии. Ислам или старообрядчество в этом смысле выглядят «традиционнее» по причине более строгого следования религиозным предписаниям (черта, в целом характерная для малых религиозных групп, которая не может проявиться в массовой церкви) [Вебер]. Однако следует понимать, что, во-первых, подобного рода конверсии могут быть не всегда в достаточной мере взвешенными, а во-вторых, указанная тенденция создает риск радикализации малых религиозных групп. Понимая, что часть адептов привлекается именно «строгостью порядков», религиозные меньшинства могут пойти по пути радикализации собственных идей вплоть до откровенной деструкции.

Минимизация указанных рисков возможна в случае системной работы с последователями массовых конфессий, прежде всего православия (хотя в местах компактного проживания мусульманского населения это применимо и к исламу), прежде всего — невоцерковленными или слабо воцерковленными. Такая работа должна включать в себя расширение практики религиозного образования в первую очередь для взрослых, просветительскую работу. Важным шагом должно быть также фактическое вовлечение адептов в деятельность религиозных общин, возможность реального участия рядового верующего в решении проблем общины, создание горизонтальных социальных связей и воспитание в адептах чувства принадлежности. Применительно к Русской православной церкви как религиозному институту данная политика может быть связана с укреплением приходской жизни, которая на данный момент переживает осязаемый кризис.

Важную роль в минимизации указанных рисков может сыграть уже отмеченная нами необходимость расширения светского религиозоведческого образования, направленного на молодежь, и отказ от рассматривания религиозных институтов как трансляторов «принципов общечеловеческой нравственности».

Рост «альтернативной» религиозности

Стоит отметить еще одну интересную тенденцию: если в период 2016–2019 гг. (и даже частично 2020 г.) основной линией противостояния религиозным институтам со стороны светского общества была ставка на официальную науку, научно-популяр-

ный контент, популяризацию критического мышления, то в годы пандемии ситуация резко изменилась. Наука, образование и все связанные с их деятельностью сферы утратили прежнее доверие.

Такие явления, как распространение буллинга в школе, неэффективность образовательной системы, отсутствие корреляции между полученными знаниями и работой по профессии, неспособность подготовить человека к жизни, подрывают доверие к системе образования, а вместе с тем — и к официальной науке. Кризис доверия к научному знанию усилился из-за неспособности официальной науки и медицины ответить на насущные вопросы (главный из которых: «Когда закончится пандемия?»). Возросло недоверие к медицинским институтам из-за проблем, связанных с вакцинацией, — с одной стороны, недоверие, вызванное самой вакцинацией, с другой — возникшее из-за возможности торговли сертификатами. Усиленная пропаганда государственными СМИ необходимости вакцинации, непрозрачность медицинской статистики по заболеваемости и смертности вакцинированных также оказались факторами, не способствующими популярности науки.

До определенной степени закономерно, что в таких условиях началось падение популярности научно-просветительского контента. Проведенное нами исследование свидетельствует, что количество просмотров и подписок на наиболее известные каналы, популяризирующие науку, за 2021 г. существенно снизилось, одновременно с этим повысился интерес к «альтернативным формам духовности», что фиксируется как на уровне контент-анализа, так и на уровне роста спроса на литературу по саморазвитию, психопрактикам, эзотерике. «Эксмо-АСТ» сообщает о росте продаж эзотерической литературы за 2021 г. более чем на 53 %. Он начался еще в 2020 г., однако в первое время был относительно незначительным — 13 %. Схожая ситуация наблюдается и на рынке электронных книг — Bookmate также сообщает о росте продаж на все, что связано с медитацией, позитивным мышлением и т. д. Популярностью пользуется не только литература, но и атрибутика — так Wildberries сообщил о росте спроса на карты Таро на 486 % за год [Карма].

Таким образом, можно констатировать, что тенденция на популяризацию науки и критического мышления оказалась отброшена. На фоне пандемии, текущих конфликтов и санкций, ситуации жизненной неопределенности люди теряют доверие к науке, однако поскольку эти процессы происходят параллельно с утратой доверия к традиционным религиям, закономерными рисками

данной тенденции могут стать рост мошенничества в сферах коучинга, саморазвития, околоспсихологических практик, распространение и расширение численности НРД (новых религиозных движений) и нетрадиционных, часто деструктивных практик.

Пока указанная тенденция только набирает популярность и не прошла еще «точку невозврата», сохраняется вероятность, что при относительно скором завершении пандемии и стабилизации политической и экономической ситуации в стране и мире общественное мнение может вернуться к прежним трендам критического мышления. Однако сохранение жизненной неопределенности, и более того — ее дальнейшее расширение, будет способствовать усугублению ситуации. В случае реализации этого сценария вполне вероятно возрастание общественного интереса к нетрадиционной религиозности, аналогичное тому, которое мы могли наблюдать в 1990-е годы.

Средством минимизации рисков развития «альтернативной» религиозности также может стать религиозоведческое просвещение, однако в данном случае его целесообразно реализовывать не через систематическое образование, а через популярно-просветительские каналы — блогинг, популярно-развлекательный контент и т. п. Значительную роль в деле минимизации рисков «альтернативной» религиозности могло бы сыграть сотрудничество популяризаторов науки и представителей церкви в части критического анализа подобного рода околоспсихологических и околэзотерических практик.

Заключение

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время отмечается определенного рода кризис диалога светского общества и церкви, базирующийся на проблемах истолкования самого концепта «светскости»: в то время как нормативные документы, большинство исследователей и сами представители церкви понимают светскость как возможность участия религиозных институтов в решении общественных проблем без принуждения кого-либо к исповеданию той или иной религии, ряд представителей общества настаивает на истолковании «светскости» как полного исключения религиозных институтов из общественного пространства.

Тенденции падения доверия к церкви, отмечающиеся на сегодняшний день, обусловлены преимущественно высокой политизи-

рованностью восприятия роли церкви в жизни общества. Неприятие церковно-общественного диалога находит свое проявление в трех основных риск-тенденциях — росте атеистического сообщества за счет людей, критикующих позицию церкви по общественно-политическим соображениям; росте «протестной» религиозности как способе поставить себя вне Русской православной церкви, понимаемой как административная институция; и росте «альтернативных» форм религиозности и духовности. Все три указанных тенденции в значительной мере могут способствовать дестабилизации общественных отношений, эскалации напряженности и распространению деструктивных религиозных явлений.

Способами преодоления сложившихся противоречий могут стать комплексные усилия государства, церкви и общественных институтов, направленные на выстраивание гармоничных отношений. Данные усилия прежде всего должны быть направлены на обеспечение равенства всех участников диалога, снятие напряженности и опасений относительно появления в России «религиозного диктата», повышение уровня религиозно-научной грамотности общества. С позиции церкви как религиозного института необходимо также вести работу в области религиозного просвещения и более глубокого вовлечения адептов в жизнь конфессии. Одновременно с этим желательно преодолеть сложившуюся в последние десятилетия тенденцию использования церкви только как «транслятора нравственности» при значительной элиминации вероучительного ядра.

Источники

1. *Декрет* = Декрет о свободе совести, церковных и религиозных обществах // Декреты Советской власти. Т. 1 : 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. Москва : Госполитиздат, 1957. С. 371–374.
2. *Иларион (Алфеев)* = Выступление митрополита Волоколамского Илариона во Всероссийской библиотеке иностранной литературы, 25 апреля 2012 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/2146291.html> (дата обращения: 25.02.2022).
3. *Карма* = Карма — источник знаний : Продажи книг по эзотерике резко выросли // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5193414> (дата обращения: 15.02.2022).
4. *Конституция* = Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Официальный

интернет–портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>
(дата обращения: 10.02.2022).

5. РИА = Около 37 % молодежи в России считают себя неверующими, показал опрос // РИА Новости, 14.08.2019. URL: <https://ria.ru/20190814/1557488003.html> (дата обращения 15.02.2022).

Литература / References

1. Аникин = Аникин Д. А. Религиозное сообщество в современном культурном пространстве: трансформация идентичности и мемориальных практик // *Философия и культура*. 2020. № 3. С. 36–44.
Anikin D. A. (2020). “Religious Community in the Modern Cultural Space: Transformation of Identity and Memorial Practices”. *Philosophy and Culture*, 2020, iss. 3, pp. 36–44. (in Russian).
DOI: <https://doi.org/10.7256/2454-0757.2020.3.32440>
2. Боберо = Боберо Ж. Светскость: французская исключительность или универсальная ценность?
Bobero J. (2002). *Svetkost': frantsuzskaya isklyuchitel'nost' ili universal'naya tsennost'?* [Secularism: French exceptionalism or universal value?], available at: http://www.atheism.ru/library/Bobero_1.phtml (10.02.2022) (Russian translation).
3. Богачёв = Богачёв М. И. К вопросу о формировании интегрального подхода к концептуализации религиозности // *Свет Христов просвещает всех: Альманах СФИ*. 2016. Вып. 18. С. 9–26.
Vogachev M. I. (2016). “On the issue of the formation of an integral approach to the conceptualization of religiosity”. *The Light of Christ Enlightens All : The academic periodical of Saint Philaret's Christian Orthodox Institute*, 2016, iss. 18, pp. 9–26 (in Russian).
4. Вебер = Вебер М. Протестантские секты и дух капитализма // Он же. Избранные произведения / Пер. с нем. и общ. ред. Ю. Н. Давыдова. Москва : Прогресс, 1990. С. 272–305.
Weber M. (1990). “The protestant sects and the spirit of capitalism”, in Idem, Yu. N. Davydov (transl.). *Izbrannyye proizvedeniia* [Selected Works], Moscow : Progress publ., pp. 272–305 (Russian translation).
5. Ивченков = Ивченков С. Г. Потенциал Интернета в политической мобилизации молодежи // *Молодежь XXI века: образ будущего : Материалы научной конференции : XIII Ковалевские чтения, 14–16 ноября 2019 г.* / Отв. ред.: Н. Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. Санкт-Петербург : Скифия-принт, 2019. С. 173–175.
Ivchenkov S. G. (2019). “The potential of the Internet in the political mobilization of youth”, in *Molodezh' XXI veka: obraz budushchego : Materialy*

- nauchnoi konferentsii XIII Kovalevskie chteniia 14–16 noiabria 2019 g.* [Youth of the XXI century: the image of the future. Proceedings of the scientific conference XIII Kovalev Readings November 14–16, 2019]. St. Petersburg : Skifiiia-print, pp. 173–175 (in Russian).
6. *Киллиан* = Киллиан К. Французский запрет на религиозную символику в школах и взгляды женщин магриба на ношение хиджаба // *Этнографическое обозрение*. 2005. Вып. 3. С. 39–57.
Killian C. (2005). “The french law banning religious symbols in school and maghrebin womens’ views on the muslim headscarf”. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2005, iss. 3, pp. 39–57 (Russian translation).
  7. *Кублицкая* = Кублицкая Е. А. Социальные и религиозные ориентации москвичей в условиях пандемии // *Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году* / Отв. ред. В. К. Левашов ; ред. Г. В. Осипов, С. В. Рязанцев [и др.]. Москва : ФНИСЦ РАН, 2021. С. 407–428.
Kublitskaya E. A. (2021). “Social and religious orientations of Muscovites in the context of a pandemic”, in V. K. Levashov (ed.). *Vyzovy pandemii i strategicheskaiia povestka dnia dlia obshchestva i gosudarstva: sotsial’no-politicheskoe polozhenie i demograficheskaiia situatsiia v 2021 godu* [Challenges of a pandemic and a strategic agenda for society and the state: socio-political situation and demographic situation in 2021]. Moscow : FNISTS RAN publ., pp. 407–428 (in Russian).
  8. *Малахов, Летняков* = Малахов В. С., Летняков Д. Э. Российское государство в конфессиональной сфере, или национальные особенности секуляризма // *Мир России*. 2019. Т. 28. № 4. С. 49–67.
Malakhov V. S., Letnyakov D. E. (2019). “The Russian State in the Confessional Sphere, or National Peculiarities of Secularism”. *World of Russia*, 2019, v. 28, n. 4, pp. 49–67. (in Russian).
DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2019-28-4-49-67>
  9. *Петров* = Петров Д. Б. Внеконфессиональная религиозность россиян: опросы, интервью, мониторинг Рунета // *Известия Саратовского университета*. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 17. Вып. 2. С. 272–276.
Petrov D. B. (2017). “Non-confessional religiosity of Russians: polls, interviews, monitoring of Runet”. *Bulletin of the Saratov University. New episode. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2017, v. 17, n. 2, pp. 272–276 (in Russian).
  10. *Петрова* = Петрова К. Ю. К вопросу о корреляции атеизма с социальными установками в среде современной молодежи // *Наука и общество: проблемы современных гуманитарных исследований: Сборник трудов*

- V Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции студентов-стипендиатов ОРФ / Под ред. Д. Н. Конакова. Саратов : Наука.
- Petrova K. Yu. (2020). "On the issue of the correlation of atheism with social attitudes among modern youth", in D. N. Konakov (ed.). *Nauka i obshchestvo: problemy sovremennykh gumanitarnykh issledovaniy: Sbornik trudov V Vserossiiskoi ochno-zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov-stipendiatov ORF* [Science and Society: Problems of Modern Humanitarian Research: Collection of Proceedings of the V All-Russian Part-time Scientific and Practical Conference of Students-ORF Fellows]. Saratov : Nauka, pp. 22–27 (in Russian).
11. Полохов 2010 = Полохов Дмитрий, прот. Православное понимание нравственности // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2010. № 4. С. 40–52.
Polokhov Dimitrii, archpriest (2010). "Orthodox understanding of morality". *Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary*, 2010, n. 4, pp. 40–52 (in Russian).
12. Полохов 2021 = Полохов Дмитрий, прот. Об альтернативной атеистической хронологии // Труды Саратовской православной духовной семинарии. 2021. № 15. С. 4–59.
Polokhov Dimitrii, archpriest (2021). "About an alternative atheistic chronology". *Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary*, 2021, n. 15, pp. 4–59 (in Russian).
13. Тейлор, Маклюр = Тейлор Ч., Маклюр Д. Принципы секуляризма // Неприкосновенный запас. 2013. Вып. 4 (90).
Taylor C., Maclure J. (2013). "Principles of Secularism". *Neprikosnovennyj zapas*, 2013, n. 4 (90), available at: http://magazines.russ.ru/nz/2013/4/9m-pr.html#_ftnref4 (06.09.2022) (Russian translation).
14. Bhargava = Bhargava R. (2011). *Rehabilitating Secularism. Rethinking Secularism*, Calhoun C., Juergensmeyer M., Van Antwerpen J. (eds.). Oxford, NY : Oxford University Press, pp. 92–113.

Статья поступила в редакцию 31.03.2022; одобрена после рецензирования 30.05.2022; принята к публикации 08.06.2022